

ЯНИНА ХМЕЛЬ

Вирус
книга 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дилогия «3,14». Жанр: антиутопия

Янина Хмель

3,14-Вирус

«Автор»

2026

Хмель Я.

3,14-Вирус / Я. Хмель — «Автор», 2026 — (Дилогия «3,14».
Жанр: антиутопия)

— А вот попробуй выжить!— Ради чего?— Хотя бы ради того, чтобы дописать свою историю. Талант писателя в нынешнем мире — это настоящее проклятие. Но именно это проклятие позволяет Писателям предсказывать события. А если точнее — управлять ими, менять будущее. Афина — писательница. Однажды она написала антиутопию, сюжет которой 14 марта 2030 года стал ужасающей реальностью. В этой реальности она обрела бессмертие. Именно за ним теперь охотится безумный диктатор Адольф Нойманн. Он готов на всё, чтобы получить возможность переписать историю и жить вечно. Даже на то, чтобы убить собственную дочь...

© Хмель Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пи-вирус	5
Издатели	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Янина Хмель

3,14-Вирус

Слово стало плотью.

Ч. Эвел

Пи-вирус

Она пробиралась по заброшенному переулку, придерживаясь стен, которые буквально сдавливали с двух сторон. Переулки были настолько узкими, что иногда идти боком. Порванные стоптанные кеды она сбросила с ног два поворота назад. Остановилась, перевела дыхание и набрала в лёгкие столько воздуха, сколько смогла, — он вдруг стал горячим, обжигающим гортань. Она обернулась и прислушалась, но не услышала ни догоняющих шагов, ни чужого дыхания. Только своё сбившееся — и за ним тишина, которая за годы скитаний должна была стать привычной, но так и не стала.

Она продолжала идти, с каждым шагом ощущая колющую боль в рёбрах, словно кто-то пересчитывал их изнутри чем-то острым. Она снова остановилась, прижалась спиной к стене, ещё раз прислушалась: за ней никто не гнался.

Она постояла ещё несколько секунд, глубоко вдохнула, убедилась, что боль в рёбрах стала слабее, и уже собралась идти дальше, но ощутила новый прилив боли — теперь в ступнях. Обе ноги были стёрты в кровь.

Скривившись, она сделала шаг, прикусила губу и пошла вперёд увереннее. Нужно было добраться хотя бы до какого-нибудь укрытия.

Сколько она уже не спала? Глаза слипались, тело требовало отдыха.

— Афи-на-а-а! — я слышу шёпот, ради которого просыпалась последние несколько лет. Открываю глаза, а надо мной склонилось любимое лицо. — Просыпайся, греческая богиня!

— М-м-м, — я переворачиваюсь на другой бок, — мир всё равно стремительно катится в ад, какая разница, если я просплю завтрак.

— Ну уж нет! — Ной крепко сжимает пальцы кольцом на моём запястье, стаскивая меня с матраса. — Просыпа-а-айся...

Афина резко проснулась. Конечно, она не успела добраться до укрытия. Уснула, свернувшись калачиком в тёмном углу заброшенного переулка. Ступни беспощадно ныли, отдавая острой болью в каждом пальце.

Она поднялась, придерживаясь рукой за стену и кривясь от боли, и снова продолжила вперёд. Медленно, касаясь грязной ладонью стены, вдоль которой шла, чтобы успеть опереться, если вдруг начнёт падать. Она не верила своим глазам даже больше, чем ногам. Впереди всё было мутным и туманным, лишь изредка перед глазами проступала более чёткая картинка, но Афина не успевала за неё ухватиться, как та тут же расплывалась.

Афина остановилась и опустила голову, делая глубокие вдохи и медленные выдохи в надежде, что это поможет сознанию проясниться. Голова кружилась, как от самой первой прививки, которую принудительно ставили всем в первый год карантина. Афина вспомнила об этом и поёжилась, словно в левое запястье снова вошла игла. Она инстинктивно сжала запястье правой ладонью, ощутив подушечками пальцев, как быстро бьётся пульс, будто хочет прорвать тонкую кожу и вырваться наружу. Не мудрено — она же пробежала столько километров... Сколько? Она уже сбилась, сколько раз повернула за угол. Да и куда идти дальше, она тоже не знала. Просто шла, медленно переставляя ноги.

— Ещё несколько кварталов, ну пожалуйста! — взмолилась она, прижав ладонь к боку, в котором усилилась острая боль. — Я не дотяну до этой ночи...

Она лукавила: знала, что дотянет. И до этой, и до следующей, и до следующей после следующей тоже дотянет.

Впереди, сквозь плотное облако тумана перед глазами, она разглядела сорванную с верхней петли дверь, наклонившуюся набок. Афина из последних сил рванула к ней, протиснулась в узкую щель — для такой миниатюрной и низкорослой, как она, это не составило труда, — вдохнула и тут же закашлялась, опустилась на колени и проползла под лестницу, прячась от ярких солнечных лучей.

Она почувствовала, как снова засыпает, опустила голову на согнутые колени и в тот же миг провалилась в сон.

— Афина!

— Спасибо, благодаря тебе я никогда не забуду своё имя.

— Ты слишком часто прибегаешь к сарказму. — Ной целует меня в висок и смотрит на иписанную стопку листов под моей рукой. — Снова не спала всю ночь?

— Ты обещал мне спать за двоих, — запрокидываю голову, упираясь в его твёрдую грудь макушкой, — выполняй свои обещания!

С ним я чувствую себя в безопасности. Знаю, он никому не позволит меня обидеть.

— Если меня однажды спросят, что значит влюбиться в пи...

— Ной! — перебила его я, подрываясь и закрывая ему рот ладонью, — молчи!

Он улыбается и целует меня в кончик носа.

— Ради твоей же безопасности, — тише добавляю я.

— Моя единственная опасность — это ты.

Он подхватывает меня на руки и кружит, а я заливаюсь смехом — казалось, тогда я смеялась в последний раз.

Ей захотелось пить, и она больше не могла бороться с жаждой. Единственная жажда, которую ей ещё удавалось приструнить, — жажда писать. Пока она запирала все буквы внутри себя, ей удавалось не выпасть из реальности. Стоило только пальцам нащупать предмет, которым или через который можно записать слова, как её глаза чернели, и она проваливалась в бездну, будто кончик пера в банку с чернилами.

— Надо найти во-оду... — выдохнула она, — пока не наступила ночь.

Она поднялась. Под рёбрами жгло, ноги гудели. Сколько ещё выдержит это хрупкое тело? Вечно: пи-инфицированные наделены бессмертием. Каждую ночь их тело восстанавливается для одной цели — писать.

Афина дошла до третьего этажа и схватилась за ручку двери, которая была ближе всего к лестнице. Стены подъезда были потрескавшимися, облупленными, грязными.

— Я больше не выдержу... — хрипло простонала она. Но это было обманчивое ощущение. Она прекрасно знала, что выдержит всё. Скоро солнце сядет, её тело «обнулится» и снова станет без шрамов и царапин, которые она успевает получить за день.

Дверь оказалась незапертой, и Афина с облегчением ввалилась в квартиру и, придерживаясь за стену, побрела туда, где, по её расчётам, могла быть ванная. Она мысленно молилась, чтобы этот заброшенный дом до сих пор снабжали водой, иначе все её попытки будут напрасны. Она уже почти дошла до зияющей чёрной дыры — ванной комнаты без двери, — схватилась за прогнивший косяк, потом за осколок от умывальника, подтянулась к крану, нащупала ржавую ручку с голубой отметиной, повернула её и даже услышала, как тонкой струйкой начала вытекать вода... но отключилась.

А когда открыла глаза — ни вода, ни еда ей больше не были нужны. Ни её организму. Ни её телу.

— Чёрт! — застонала она, выпрямляясь.

Над умывальником висел осколок зеркала. Она заглянула в него: на неё смотрело бледное миниатюрное личико с двумя угольками — чёрные глаза пи-инфицированной. Новая ночь — новый шанс закончить историю.

По ночам Афина становится такой, в какую превратилась в самую первую ночь, когда поняла, что по её венам течёт инфекция, возбудившая весь мир. Её глаза чернели, а волосы, брови и ресницы вспыхивали серебром. Прежде её хорошенькое личико обрамляли тёмно-каштановые волосы до плеч, а глаза были на тон светлее волос. Её отличительной чертой была родинка над правой бровью, а теперь от других людей её отличали онемевшие кончики пальцев рук, которые при приближении к любому пищевому предмету начинали пульсировать.

Афина опустила голову и взглянула на свои ноги. Остатки засохшей крови грязной коркой покрывали ступни, но свежих кровоточащих ран уже не было. С рассветом она вновь превратится в безобразное чудовище с ободранными ногами, обкусанными пальцами на руках, облезлыми клочьями некогда шёлковых волос, расцарапанным лицом и помутневшими карими глазами — образ, в который она превратилась в двадцать первую ночь без сна. Днём она спала лишь урывками: каждого, кого заставляли спать днём, забирали. Вламывались в дома, силой вытаскивали, а что происходило с ними дальше — никто не знал. В лучшие времена Ной сторожил её сон, и она могла выкрасть несколько часов отдыха. А потом — ночью — приходилось притворяться спящей. Это было сложнее, чем не заснуть днём. Сложнее потому, что пальцы почти притягивали к себе любой пищевой предмет, и тогда её невозможно было остановить. Она писала, писала, писала... Потому что не писать не могла.

— Ты не имеешь права писать, пока не отыщешь его! — прорычала своему отражению Афина. — Бессовестная.

Она затаилась и обернулась: в коридоре послышались чьи-то шаги.

Нет оправдания тому, что она делает ночью одна в этом месте, тем более её видок говорит сам за себя: она пи-инфицированная. Если это Издатели, то её точно схватят...

В современном мире Издатели — это не те, кто выпускают книги. Это те, кто охотятся на пи-инфицированных и истребляют их. Исцелиться от захватившего мир вируса невозможно. А установить, передаётся ли он и каким способом, за десять лет так и не удалось. Все исследования сводились к одному: ты либо наделён «талантом» писать, либо нет. Талант писателя в нынешнем мире — проклятие.

Это проклятие позволяет Писателям предсказывать события. Способность, которой не обладают Издатели, но именно они находятся на верхушке мира.

Афина заступила за стену ванной комнаты и замерла, обдумывая следующие шаги. Задерживать дыхание ночью не было нужды — она и так не дышала. Не пила, не ела. Единственное, что ей было нужно, — писать. Нужнее, чем дыхание.

Чужие шаги приблизились. Афина закрыла глаза и прислушалась: чужого дыхания слышно не было. Она рискнула и вышла из своего укрытия, чтобы разглядеть ночного гостя. На неё смотрели чёрные глаза, а серебристые длинные волосы были собраны в хвост на затылке.

— Я уже настолько одичал, что был бы рад даже Издателю! — первым заговорил молодой человек. Он даже не вздрогнул, когда перед ним возникла Афина. Видимо, и правда был готов к любой встрече. — Я Киану, — он протянул ей дрожащую руку.

Афина подала ему ладонь:

— Сколько? — спросила она.

Руки дрожали у тех, кто был инфицирован не больше года.

— Пятый месяц, — вздохнул Киану. — А ты... — Он разглядывал её.

— Афина, — она отпустила его руку, — все десять лет.

— Ого! — присвистнул Киану. — Я ещё не встречал тех, кому удалось скрываться с самого начала...

— Мне просто повезло. Рядом со мной был тот, кто берёт мой сон днём и прикрывал ночью... — Она зажмурилась, а потом резко открыла глаза: — Нужно выбираться отсюда.

Они вышли из заброшенного дома и двинулись в сторону границы. Афина привыкла к себе такой — пи-инфицированной, а для Киану прошло слишком мало времени: его кисти дрожали, он с трудом переключался от себя-человека к себе-писателю. Афина легко меняла роли и принимала предлагаемые обстоятельства — очень кстати пришлось первое неоконченное актёрское образование, а она думала, что эти знания ей никогда не пригодятся.

— А ты встречала тех, кто не заразился и не вакцинировался? — Киану нарушил тишину, которую разбавляли только его шаги.

Афина ступала легко и почти неслышно.

— Издателей? — уточнила она. — Это по их части. Да, встречала.

Киану молчал, о чём-то раздумывая.

— Все пять месяцев ты один? — Афина повернулась к нему.

— Я жил с мамой. Когда понял, что пи-инфицирован, ушёл от неё. Чтобы не подвергать её опасности.

Афина понимала его. Она тоже оставила Ноя, чтобы не навредить ему. Если бы не ушла той ночью, он сам бы её никогда не отпустил.

— Как передаётся этот вирус?

— Точно не воздушно-капельным, — усмехнулась Афина. — И не через кровь. Скорее всего, это либо есть в тебе, либо нет.

Киану кивнул.

— Почему ты не вакцинировался?

Он вздрогнул.

— Я думал, меня пронесёт. Ведь не все... кхм, — он замаялся.

— Переживают вакцинацию, — закончила за него Афина.

— Да. Ты решишь, что я трус, — хмыкнул он, — но умирать в двадцать — это несправедливо!

Афина ничего не ответила. Она поставила только одну вакцину, потому что в первую волну принудительной вакцинации не успела сбежать и попала в руки Издателей. Она до сих пор помнила, как отреагировал её организм на ярко-малиновое лекарство, которое ввели в её запястье: несколько суток её рвало жидкостью того же цвета. Голова невыносимо кружилась, она всё время хотела спать. Ной ухаживал за ней, держал её волосы, пока она, склонившись над унитазом, не понимала, откуда берётся эта желчь, если она уже вторые сутки не ела и не пила...

— А почему не вакцинировалась ты? — перебил её воспоминания Киану.

— Потому что мне нравится писать. Ещё до того, как это стало... — теперь запнулась Афина.

— Вирусом, — подсказал Киану.

— Да, вирусом. Проклятьем! — возмутилась Афина.

— За всю жизнь я написал одно стихотворение. Никогда не думал, что я писатель.

— Писатель — это дремлющий вулкан. Но из пустой ямы не вытечет огненная лава.

Понимаешь?

Киану кивнул.

— Куда ты сейчас держишь путь? — поинтересовался он.

— К любимому. Я ушла от него, думая, что этим спасу его жизнь.

— Он тоже пи-инфицирован?

— Нет, он — Издатель.

До того как мир захватил вирус, мы познакомились в издательстве. Я принесла свою рукопись на рассмотрение и сказала, что не уйду, пока он не прочтёт её.

Ной пытался заниматься своими делами, но я сидела напротив и не давала сосредоточиться. Коллеги ждали, когда его терпение наконец лопнет и он выпроводит из своего кабинета настырную барышню, которая наделала шума на входе, требуя отвести её к главному редактору. Ной был очень терпеливым.

Под конец рабочего дня он поднялся со своего кресла, а я даже не шелохнулась в неудобном кресле напротив, уставившись в окно. Левый угол подоконника был завален стопкой рукописей, на которых оседала пыль. Сколько же авторов ждут ответа, даже не догадываясь, что в их текст никто не собирается заглядывать?

— Вы будете сидеть здесь всю ночь? — спросил Ной.

— Если понадобится, — пожала плечами я.

— Хорошо, я прочитаю вашу рукопись, — выдохнул он.

— Хорошо, я подожду.

— Знаете, сколько рукописей в очереди?

— Меня должно это волновать? — Я впервые посмотрела ему в лицо и надолго задержала взгляд на светло-карих узких глазах.

— Наглости вам не занимать, конечно.

— А в писательстве иначе нельзя, — уверенно ответила я. — Либо тебя подогнут под себя, либо ты обозначишь свои границы.

Ной вернулся на своё место и схватил мою рукопись — стопку белых листов с отпечатанным на машинке текстом, перевязанную бечёвкой.

— Постапокалипсис? — Он прочитал название и усмехнулся. — Как банально.

Я промолчала.

— Афина? Как греческая богиня? — Ной развязал бечёвку и отложил первую страницу в сторону. — Воительница, это уж точно.

Я закатила глаза.

Ной быстро пробежал глазами по тексту, потом хмыкнул и откинулся на спинку кресла. Казалось, он замедлился.

Я посмотрела в окно: уже стемнело.

— Это интересно, — тихо произнёс Ной, будто разговаривал сам с собой.

Я взглянула на него: сосредоточенный — казалось, он на самом деле увлечён моей рукописью. Если бы я тогда поднялась и ушла, он бы положил её в ту стопку на подоконнике, и она бы долго собирала там пыль рядом с другими — такими же никому не нужными текстами.

— А вот тут не согласен! — Он оторвал глаза от текста и посмотрел на меня.

— Где?

— Почему?

— Что? — не поняла я, уставившись на него.

— Почему она ушла?

— Чтобы защитить его, — пожала плечами я, мол, чего непонятного.

— Но ведь это он должен был её защищать! Разве нет?

— Он был в опасности рядом с ней. Разве нет?

Ной сощурился, потом опустил голову, продолжая читать, время от времени откладывая листы на стол. Стопка на его коленях редела. Я сидела напротив, почти не двигаясь и, кажется, даже не дыша.

— Финал никуда не годится! — воскликнул Ной, всплеснув руками.

— Почему?

— Потому что! — выдохнул он. — Потому что, — повторил громче и поднялся.

Я пожала плечами:

— Я не Бог, а всего лишь писатель.

— Вы должны его переписать, — уверенно заявил Ной, накрывая стопку на столе последней страницей. — Вам совсем не жаль её?

— А ей было жаль меня? Когда она приходила ко мне, лишая меня сна. А я, между прочим, ещё и работаю. Мне приходилось жертвовать сном, чтобы записать эту историю! — Я насутилась, сложив руки на груди.

— Занимайтесь этой историей. Я выбью для вас аванс.

— Отлично, — я поднялась и протянула ему руку. — Благодарю!

— Либо тебя подогнут под себя, либо ты обозначишь свои границы, — повторил он, прищурившись и сжав мою кисть. — Вы далеко пойдёте.

— Лучшие глубже, чем дальше, — подмигнула я.

— Давайте я провожу вас! — спохватился Ной, когда я отпустила его руку и направилась к выходу.

— Я не боюсь темноты...

— А кто сказал, что я вас защищаю? — улыбнулся он. — Темнота боится вас!

— Ты переписала финал? — спросил Киану. Он с открытым ртом слушал рассказ Афины и ни разу не перебил её.

— Нет. — Афина опустила голову, уставившись на свои босые ноги.

— Почему?

— Не успела. После того дня мы не расставались и бок о бок встретили карантин. Мы должны были стать врагами, но слишком сильно влюбились друг в друга, пошли на поводу своих чувств...

— Как думаешь, где он сейчас?

— Я бы хотела верить, что забыл меня и живёт спокойной жизнью. Насколько она может быть спокойной в нынешних реалиях.

Они шли по пустым улицам оставленного города. Пи-инфицированные обитали дальше от границы, а Афина и Киану приближались к центру.

— Надо бы в какой-нибудь магазин забрести, надоело ходить босиком по раскалённому асфальту.

— Сколько ты уже скрываешься одна? — Киану не отставал от неё ни на шаг.

— Теперь твоя очередь рассказать свою историю, Кей, — Афина проигнорировала его вопрос.

— Моя история не такая захватывающая... — промямлил парень.

— Я тоже не считаю свою историю захватывающей, но со стороны виднее.

— Как ты поняла, что пи-инфицирована?

— Так нечестно! Твоя очередь, — Афина недовольно посмотрела на него.

— Я не такой хороший рассказчик, как ты, — Киану остановился и умоляюще посмотрел на неё.

— Ты должен мне две истории! — усмехнулась Афина. Ей льстили его слова, хоть она и знала, что была хороша в своём деле. Она хорошо и писала, и рассказывала. Ной не один раз говорил ей: «Ты на своём месте. Кто-то преодолевает долгие поиски, чтобы найти себя, а ты как будто с самого рождения знала, зачем пришла в этот мир».

Мы шли по просыпающемуся городу. Навстречу проехала всего одна машина. Уже и светофоры снова начали работать. Парило. Ной нёс свой пиджак на руке, а я то и дело оттягивала футболку, пытаясь охладить разгорячённое тело, вдывая в неё тонкую струю воздуха.

— Кем вы работаете?

— А можно попросить... — Я затормозила, потому что Ной остановился, поймав мой взгляд. — Обращайся ко мне на «ты», а то я чувствую себя неудобно, когда ты мне «выкаешь».

— Договорились. И ты тоже, — усмехнулся он.

Мы пошли дальше.

— Я сейчас не удивлю тебя.

— Ну посмотрим, — Ной прищурился, поправляя сползающий с руки пиджак.

— Продаю книги.

— Да-а-а? — искренне удивился он.

Я рассмеялась.

— Мне нравится подбирать книги людям.

— Какая книга подошла бы мне?

Я внимательно посмотрела на него, скользнув взглядом по впадине на шее, по которой стекала капля пота. Его чёрные волосы были зачёсаны назад и заложены за уши.

— Ты любишь фантастику. Я знала об этом, когда несла тебе свою рукопись. Неважно, насколько хороша история, важно, чтобы она попала в нужные руки в нужное время.

— Это твоя первая книга?

— Я бы пока не спешила называть эту историю книгой.

— Почему? — Брови Ноя взметнулись вверх.

— Всё же книга — это дописанное произведение в виде переплетённых листов бумаги с текстом.

— А как же электронные книги и аудиокниги?

Я опустила голову, рассматривая узоры под ногами.

— Значит, писатель — это тот, кто может показать опубликованную книгу и сказать: «Смотрите, вот моя книга!»?

Я пожала плечами.

— Что главное в книге? — Ной словно вёл меня к какому-то выводу.

— Сюжет?

— Допустим, — улыбнулся он. — Следовательно, книга — это сюжет, который писатель носит в голове. Будет ли этот сюжет книгой, пока он существует только в фантазии автора?

— Не знаю...

— Книга — это не только что-то физическое, что можно потрогать, хотя при этом слове первым делом всплывает именно бумажная книга. Но ты не можешь отрицать, что история, которая существует только на одном носителе — в твоей голове, — уже книга.

— Я всего лишь сказала, что эту историю ещё рано считать книгой.

— Хорошо, это твоя первая будущая книга?

— Первая, — улыбнулась я.

— Давай придумаем ей название получше! — Он погладил меня по спине.

Я вздрогнула от этого прикосновения, но не отпрянула, а он не убрал руку.

— То есть... вирус писателя? — уточнил он.

Я кивнула.

— Пи-вирус?

— 3,14-Вирус?

— Кто ж знал, что это окажется пророчеством, — произнесла Афина.

— Да-а-а... — протянул Киану. — Теперь все знают, что Писатели могут предсказывать будущее.

— Мне приснился сюжет.

— А кто дал название вирусу?

— Дориан Рик Снетст¹.

¹ Анограмма имени реально существующего немецкого вирусолога. Кристиан Дростен — немецкий вирусолог, специализирующийся на коронавирусах, возглавляет Институт вирусологии берлинской Шарите.

— Ты встречалась с ним?

— Нет, конечно!

— А что, если бы однажды встретила, какой вопрос ты бы ему задала?

— Эй, Дориан! Ты что, читал мою неизданную рукопись? — усмехнулась Афина, закатив глаза.

Киану рассмеялся.

— То есть, ты её никогда не выкладывала в сеть?

— Она не дописана! Я не думала делиться своими черновиками с кем-то.

— Но Ною же показала.

— До того момента я думала, что рукопись готова...

— ...но Ной сказал переписать финал, — продолжил за неё Киану. А потом, будто что-то внезапно осознав, остановился. — Афина... когда это произошло?

— Я принесла рукопись Ною первого марта две тысячи тридцатого года.

Киану так и замер с открытым ртом.

Четырнадцатого марта 2030 года была зафиксирована первая вспышка неизвестного вируса. Голова сорокалетнего мужчины на глазах у жены покрылась серебристыми нитями — он посидел за секунды. А когда обернулся и посмотрел на неё, женищина заметила, что его глаза стали полностью чёрными.

Эту историю с утра крутили по всем новостям и повторяли на каждой радиоволне.

Ной выключил телевизор. Мы переглянулись.

— Если бы я не читал твою историю две недели назад...

— Бред какой-то! — Я встряхнула головой.

— Нужно спрятать твою рукопись.

Через три дня в местные больницы уже поступали другие инфицированные с чёрными глазами и серебристыми волосами.

— Так-так-так! Это уже совсем не смешно... — Ной ходил из угла в угол своей маленькой студии, где я в последнее время стала частой гостьей. Мне оставалось только поставить свою зубную щётку рядом с его.

Я сидела на первой ступеньке лестницы, по которой можно было подняться наверх к спальному месту, прижимая к груди свою рукопись.

— Тебе не кажется...

— ...что звучит как пророчество? — усмехнулась я, продолжив за него.

— Верно... — Ной кивнул. — Верно! — повторил громче.

Я вздохнула.

— Нужно переписать финал. А пока... — Он подскочил к окну и задернул занавески. — Пока ты останешься у меня.

С того дня моя зубная щётка стояла в одном стаканчике с его.

— Когда я понял, что пи-инфицирован, сбежал, — признался Киану. — И вот уже пять месяцев не знаю, как она... без меня.

— Без тебя она в безопасности, — подбодрила его Афина и коснулась плеча, но тут же отёрнула руку.

— Я даже не оставил ей никакой записки!

— А это уже для твоей безопасности, — заметила Афина.

— У тебя есть цель. А у меня нет... — Киану опустил взгляд. — И если бы я не наткнулся на тебя в том заброшенном доме, то отправился бы прямо в руки Издателям. Пусть бы проводили свои опыты надо мной.

— Сдаться всегда успеешь. — Афина снова коснулась его плеча. Она была не тактильным человеком: не любила, когда прикасаются к ней, и сама редко дотрагивалась до кого-то без

необходимости. Но почему-то Киану ей хотелось пожалеть именно тактильно, слова поддержки давались ей с трудом. — А ты попробуй выжить.

— Ради чего? — хмыкнул Киану, проследив за её взглядом. Афина смотрела на мигающий красным светофор в нескольких метрах от них.

— Хотя бы ради того, чтобы дописать свою историю.

Они подошли к перекрёстку и заметили старую заправку, которая уже несколько лет точно была заброшена. Афина направилась к ней.

— Постой! — Киану остановил её за руку. Афина перевела взгляд на его пальцы на своём запястье. Он спохватился и отпустил. — А что, если там кто-то есть?

— Вот и проверим. — Афина пожала плечами. — Мне нужна какая-нибудь обувь.

В здании заправки тоже мигал свет.

— Никогда не привыкну к этой атмосфере, как в фильме «Мобильник»³, — прошептал Киану, следующий за Афиной.

— А книгу читал? — Афина ни на тон не понизила голос.

— Мне хватило фильма...

— А зря, — Афина огляделась по сторонам, — это не самый мой любимый роман Кинга, но книга всё равно лучше фильма.

Афина заметила стойку с обувью и двинулась к ней.

— С каких это пор на заправках продают обувь? — Киану проследил за её взглядом и тоже подошёл к стенду.

— Ответ на этот вопрос меня сейчас меньше всего волнует. — Афина сбросила на пол несколько пар и стала примерять их по очереди.

Киану усмехнулся, разглядывая белые сабо на её ногах.

— Мне нужно в уборную. — Афина снова осмотрелась в поисках нужной двери. По пути она подошла к кассе и что-то взяла на стенде там.

Киану не пошёл за ней. Пока она отсутствовала, он прошёлся между стеллажей, рассматривая, что осталось на полках. Засунул в карманы джинс несколько батончиков мюсли и сникерс — знал, что они будут очень кстати утром и днём. Это сейчас он не хотел есть и пить. И тут его взгляд упал на упаковку шариковых ручек. Киану замер, почувствовав, как запульсировали кончики пальцев.

— Эй! Ты чего там? — окликнула его Афина. Но он никак не реагировал. Она сразу поняла, в чём дело, метнулась к нему и развернула его к себе лицом. — Эй-эй-эй! — Она щёлкнула пальцами перед его глазами. — Не смотри туда! Нельзя!

Киану сразу пришёл в себя, когда увидел перед собой её обритую голову.

— Какого чёрта?! Что с твоими волосами?

— Никогда не нравились блондинки, — закатила глаза Афина и потянула его к выходу. — Пойдём отсюда.

Она заметила, как его потряхивает. Нужно было скорее вывести Киану, пока он не поддался своей сущности.

— Забавно, и эта причёска тебе идёт, — Киану тоже был не прочь отвлечься: перед глазами всё ещё стояла дешёвая упаковка шариковых ручек.

— Подлецу всё к лицу, — Афина крепко сжимала его локоть. — Так всегда говорила мама.

Они двинулись в сторону города.

— Нужно добраться до укрытия до рассвета, — напомнила Афина.

Киану кивнул.

³ Американский остросюжетный фильм ужасов 2016 года режиссёра Тода Уильямса, по мотивам одноимённого романа Стивена Кинга.

— Как... как ты держишь себя в руках? — спросил он.

— Запечатываю все слова внутри. Но раз в месяц даю себе разгрузку. Иначе когда-нибудь взорвусь. Может быть, даже кого-нибудь убью — кто знает.

— А как ты думаешь... твои волосы не отрастут к утру? — Он снова взглянул на её бритую голову.

— Вот и проверим, — пожала плечами Афина и улыбнулась.

Они вошли в район, который был не менее заброшенным, чем предыдущий. В ночной темноте он казался зловещим, но Афина уверенно шагала по тонким улочкам, проверяя двери: пока все были заперты.

— А где, по твоему, твой Ной ждёт тебя? — шёпотом поинтересовался Киану, оглядываясь по сторонам.

— Мы как-то договорились, что если расстанемся, то оба будем держать путь в столицу.

— Но там же опасно для таких, как мы!

— А в этих заброшенных районах — для таких, как он.

Афина сжала губы, смотря перед собой.

Издатели

Ной сосредоточенно смотрел в большое окно из своего кабинета. С тех пор, как исчезла его «греческая богиня», прошло три года. И что он только нашёл в ней, когда вокруг столько красавиц с иммунитетом. Никто не знал, что Афина была пи-инфицирована. Узнали бы, его сразу же пустили под трибунал за измену.

— Ты когда последний раз отдыхал? — В дверях кабинета стояла Камилла.

— Работы много, — отмахнулся Ной.

— Её всегда будет много. Но это не значит, что нужно отказаться от отдыха, — Камилла покачала головой и строгим тоном добавила: — Никуда они от тебя не денутся, возьми выходной.

— Кам...

— Я настаиваю, — она зашла в кабинет, прикрывая за собой дверь, подошла к нему и наклонилась, чтобы поцеловать.

Он резко поднялся, навис над ней, развернул спиной и, прижав красивое тело к себе, провёл длинными пальцами по изгибу талии и подтолкнул от себя, хлопнув по ягодицам, обтянутым кремовой короткой юбкой с разрезом сзади.

С Афиной он всегда был мягким и нежным, а Камилла же чаще видела в его узких глазах страсть и похоть.

— Специально зашла подразнить меня, знаю я тебя, — выдохнул он и вернулся к рабочему месту.

Камилла взмахнула головой, улыбнувшись, но её улыбка была больше похожа на оскал пантеры или другой дикой кошки. Эта улыбка как бы отвечала: «Тебе нравится, когда я так делаю, знаю я тебя».

Камилла была из тех женщин, которые умеют вовремя притвориться дурочкой. Её отец — ведущий специалист по изучению 3,14-вируса, лично знаком с Дорианом Рик Снетстом, чья команда занимается вакциной. Ной просто не имел права обидеть любимую дочурку властного отца, с которым лучше дружить, чем оказаться в его чёрном списке.

— Папуля зовёт нас на ужин сегодня, — пролепетала Камилла, стоя в дверях.

— Он каждый день зовёт нас на ужин, — выдохнул Ной.

— До вечера, милый! — она не стала ждать его ответа и захлопнула за собой дверь.

Ной вздохнул, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Где же ты, Афина... — пробормотал он, прокручивая в голове воспоминания того дня, когда проснулся один на маленьком матрасе.

— Афина?

Сердце кольнуло: там поселилось неприятное предчувствие. Я подорвался и огляделся — её нигде не было.

Маленькую студию можно было увидеть целиком, стоя в любой точке. Спальное место находилось на втором этаже, сразу под ним — маленькая кухня. Напротив — гостиная с двумя креслами-мешками и низким столиком между ними. У стены напротив окна стояли несколько книжных стеллажей. За кухней — ванная, совмещённая с санузлом.

Единственное место, где Афина могла сейчас быть, — ванная. Я прислушался, но не услышал ни шума воды, ни её дыхания. Быстро спустился вниз и потянул на себя ручку: ванная комната тоже оказалась пуста.

— Афина! — я повторил её имя и снова оглянулся. Только сейчас заметил на стеклянном столике белый конверт. Желудок свело спазмом.

Я схватил конверт, распечатал и сразу же прочитал: «Я не могу больше так. Ты рискуешь своей жизнью ради меня. А я слишком люблю тебя, чтобы позволять тебе это. Ты бы

никогда не стал меня слушать и никогда бы не отпустил. Мне было больно принимать это решение, но я его приняла. Прости. Люблю. А».

Я запрокинул руки за голову, сцепив ладони в замок. В одной руке по-прежнему держал письмо.

— *Глупышка...*

— Тук-тук, можно? — В дверной проём пролезла голова Ирвина. Ирвин — лучший друг Ноя ещё с докарантинных времён. — Поступила заявка из заброшенного района, который ближе к центру с запада.

— Есть видео с камер? — Брови на лице Ноя сдвинулись к переносице.

— Ага. Прислать?

— Уже давно бы прислал и не задавал глупых вопросов, — пробормотал себе под нос Ной, а чуть громче добавил: — Поисковый отряд уже отправили?

— Нет необходимости. Двое пи-инфицированных направляются в город сами: высокий парень, которого распознала программа, и молоденькая девушка, но её опознать не удалось.

— Кто он?

— Киану Ортон. Оставил мать пять месяцев назад.

Ной посмотрел в окно:

— А девушка?

— Не удалось распознать. Либо она пи-инфицирована уже давно и умеет скрываться — что более вероятно. Либо, наоборот, совсем недавно, и информация о ней ещё не поступила в базу.

— Пришли мне записи с камер. — Ной почувствовал, как бабочка надежды, притаившаяся у него в солнечном сплетении, раскрыла крылья. Он провёл пальцем по сенсорной мышке открытого ноутбука, потухший экран ожил. Значок почты замигал, оповещая о входящем сообщении. Ной знал: Афина умела скрываться. Умела — потому что он сам её этому научил. И если сейчас её засекли камеры, значит, — если это она, конечно, — она сделала это намеренно.

Ной открыл сообщение от Ирвина и включил видео. Выдохнул, когда на экране появились знакомые черты любимого лица, которое семь лет он видел по утрам, едва открывал глаза.

— Ну что? Послать группу им навстречу? — В дверном проёме снова показалось лицо Ирвина.

— Пока не нужно. Присылай мне видео с камер, где будут замечены эти двое.

— Ты знаешь девушку? — осторожно спросил Ирвин.

— Нет, — холодно ответил Ной, и ни один мускул на его лице не выдал правды. Он дружелюбно, но натянуто улыбнулся другу и добавил: — Я сам займусь опознанием личности. Никого пока не подключаю.

Ирвин кивнул и оставил его одного. Он слишком хорошо знал Ноя, чтобы не догадаться, что тот узнал в этой незнакомке кого-то, но решил не лезть с вопросами и советами. Ной сам придёт — он всегда приходил, когда доверие перевешивало гордость.

Как только остался один, Ной ещё несколько раз пересмотрел видео с камер и окончательно убедился: это она. Он коснулся ладонью экрана, на котором застыла картинка.

— Афина... — выдохнул Ной и прикрыл глаза. — Глупышка... моя глупышка.

Он захлопнул крышку ноутбука, сжав руки в кулаки. Тогда, три года назад, разрывая её письмо в клочья и подбрасывая обрывки к потолку, Ной пообещал себе отыскать её.

Прошло три года с того дня. Его виски тронула естественная седина, а она осталась прежней — замерла в своём прекрасном возрасте двадцати шести лет. В день их знакомства, когда она сидела напротив, пока он читал её рукопись, он был старше её на четыре года. Сейчас же их разделяла пропасть в четырнадцать лет.

Конечно, уходя, она сожгла все мосты. Возможно, сожгла и свою рукопись, а возможно, забрала её с собой. И не потому, что не доверяла ему, а потому что переживала за его безопасность.

Ной вспомнил их разговор:

— *Но ведь это он должен был её защищать! Разве нет?*

— *Он был в опасности рядом с ней. Разве нет?*

— Нет, — твёрдо произнёс Ной вслух. — Нет! — добавил громче и подошёл к окну. —

Моя единственная опасность — это ты.

К нему снова заглянула Камилла.

— Ты с кем-то разговариваешь? — удивилась она, обводя взглядом пустой кабинет.

— Да, сам с собой, — грубо бросил Ной.

Она подошла к нему и обняла со спины.

— Ты хороший собеседник. Даже сам для себя, — улыбнулась она, пристраивая подбородок у него на плече, для этого ей пришлось встать на носочки.

Спина Ноя напряглась. Желудок свело спазмом: так в его теле проявляется осознание того, что он не там, где хочет быть. Камилла обхватила его плечи обеими руками, проводя кончиками пальцев по груди, как по клавишам пианино.

— Слышала о двух заражённых, замеченных в соседнем районе за границей, — как бы невзначай сказала она.

— Они не опасны, — сквозь зубы процедил Ной.

— Почему ты не отправил бригаду на их поиски?

— Это лишнее.

— Почему?

— Ками! — Ной расцепил её руки и повернулся к ней лицом. — С каких пор ты лезешь в мою работу?

— Мне просто интересно... — Камилла потянулась к его губам.

Ной отвернулся. Внутри уже поднималась привычная усталость — не от неё, от себя рядом с ней.

— У меня много работы.

— Оно и видно! — Камилла всплеснула руками и плюхнулась в его кресло. Потом ухватила за его ширинку и притянула ближе к себе. — Тебе нужно расслабиться... — Она смотрела на него снизу вверх, облизывая пухлые губы.

— Ками... — Ной упирался, когда она начала расстёгивать ремень, но не особо уверенно. Он хорошо знал: сказать «нет» — значит объяснять, а объяснять — значит врать ещё больше.

— Ну же, расслабься, — она опустила язычок молнии вниз и снова посмотрела на него из-под густых ресниц.

Лицо Ноя оставалось напряжённым, но он так и не убрал её руки.

Камилла стянула его джинсы до колен, затем медленно спустила трусы, помогая себе спереди зубами, а сзади царапая его ягодицы ногтями.

Ной громко втянул воздух, но не остановил её. Одну руку Камилла оставила на ягодице, второй обхватила основание его члена, сцепив большой и указательный пальцы в кольцо. Несколько раз ме

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.